

Российская Академия Наук

Отделение историко-филологических наук

Ю.М. Батурин

**Рефлексивный анализ
в социально-гуманитарном
знании**

(Науковедение)

Москва 2017

УДК 001.38
ББК 72
Б28

Батурин Ю.М. Рефлексивный анализ в социально-гуманитарном знании (Науковедение). – М.: РАН, 2017.

Метод рефлексивного анализа применяется для изучения некоторых процессов и феноменов в современной науке. Анализируется начало реформы РАН 2013 года, исследуется природа такого явления как научный азарт ученого и внутренняя структура научного юбилея. Для специалистов в области науковедения и всех, интересующихся остающейся актуальной темой – реформой РАН.

ISBN 978–5–906906–76–2

© Российская академия наук, 2017
© Ю.М. Батурин, 2017

Рефлексивный анализ в социально-гуманитарном знании

Ю.М. Батурин

Содержание

Краткое введение в тему	4
Поражение Российской академии наук	5
Что такое научный юбилей	25
Научный азарт как рефлексивная игра	32

Краткое введение в тему

К началу 1960-х годов советский ученый В.А. Лефевр, придя к выводу о недостаточности традиционного естественнонаучного подхода к анализу социальных систем, разработал новый аппарат – концептуальный и формальный – с помощью которого удобно создавать модели рефлексии [1]. Впоследствии, уже в свой «американский» период, он значительно расширил свой подход и распространил его на изучение субъектов разных типов, ввел понятие рефлексивных игр и разработал их логику, нотацию, психологию [2], [3], [4].

Большой вклад в развитие рефлексивного анализа внес один из учеников В.А. Лефевра В.Е. Лепский, ныне доктор психологических наук, создатель и руководитель Центра междисциплинарных исследований рефлексивных процессов и управления Института философии РАН [5], [6], [7].

На их работах и основывается настоящая публикация, первая часть которой посвящена некоторым вопросам науковедения. В ней предлагается научное осмысление актуальной темы – проводимой реформы РАН, а также рассматриваются два внутринаучных феномена – научный азарт и научный юбилей.

Часть материалов ранее публиковалась в журнале «Рефлексивные процессы и управление» [8, с.12-25], [9, с.14-18].

Литература

1. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. – М.: «Советское радио», 1973. – 160 С.
2. *Лефевр В.А.* Рефлексия: свобода воли и выбора – М.: «Когито-Центр», 2003. – 496 С.
3. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. – М.: «Когито-Центр», 2004. – 426 С.
4. *Лефевр В.А.* Космический субъект. – М.: «Когито-Центр», 2005. – 221 С.
5. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 254 С.
6. *Лепский В.Е.* Аналитика сборки субъектов развития. – М.: «Когито-Центр», 2016. – 130 С.
7. *Лепский В.Е.* Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). – М.: «Когито-Центр», 2016. – 160 С.
8. *Батурич Ю.М.* Рефлексивная модель разгрома Российской академии наук в 2013 году. – Рефлексивные процессы и управление, 2013, том 13, № 1-2.

9. Батурин Ю.М. Научный азарт как рефлексивная игра. – В сб.: Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов X Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 15-16 октября 2015 г. Москва. – М.: «Когито-Центр», 2015, с.14-18.

Поражение российской академии наук

Поражение Российской академии наук в конфликте с российской Властью, вызванном решением Власти в середине 2013 года без всякого обсуждения реформировать систему фундаментальной науки в стране, уже осенью стало свершившимся фактом. Историю этого короткого противостояния Власти и Науки предстоит написать, обсудить и сделать выводы. Ниже предлагается анализ лишь одного из аспектов процесса, ставшего наглядной иллюстрацией крайних форм властвования.

«Власть – это стратегические игры», – писал М. Фуко, понимая под игрой «множество процедур, приводящих к определенному результату, который – в зависимости от принципов и процедурных правил – можно считать значимым или незначимым, выигрышным или проигрышным» [1, с. 267, 264].

Н. Луман среди процедур власти называет «рефлексивность процесса власти», говоря о ней как об «очень эффективной процессуальной структуре» [2, с. 65]. Поэтому мы сейчас и используем рефлексивные игры, «способствующие тому, что одни пытаются обусловливать поведение других – на что другие реагируют попытками не позволять обусловливать свое поведение, или в ответ обусловливать поведение первых» [1, с. 268].

Рассмотрим простейшее взаимодействие (рефлексивную игру) двух акторов (игроков) — *A* и *B*. Пусть актер *A* – Власть, актер *B* – Наука.

Будем понимать Науку как обобщенное обозначение сложного актора, включающего систему знаний, собственно ученых, занимающихся научными исследованиями, и институциональные формы их объединения.

Аналогично будем понимать под Властью обобщенное обозначение сложного актора, включающего государственные органы, политических деятелей и группы влияния.

По определению Роберта Даля (несколько упрощенное определение Макса Вебера, хорошо корреспондирующееся с интер-

претацией игры М. Фуко – см. примечание 3), «*A* имеет власть над *B* настолько, насколько *A* может заставить *B* сделать то, что *B* не стал бы делать самостоятельно» [3, с. 201]. Тогда, согласно приведенному определению, способность Власти добиться от Науки поведения, соответствующего воле Власти, которого Наука в иных условиях не придерживалась бы, – суть обычные отношения господства - подчинения (рис. 1).

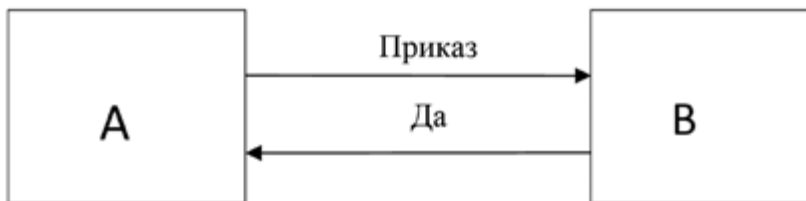

Рис. 1. Ситуация «приказ – подчинение».

Из данного определения, во-первых, следует, что отношение власти – отношение неравенства, асимметричное отношение, а во-вторых, – что «в отношениях власти необходимо имеется возможность сопротивления, так как, если бы не было возможности сопротивления... отношений власти не существовало бы вовсе» [1, с. 257-258]. Так что там, где есть власть, есть и сопротивление, причем не пассивное, а в виде контрстратегии. Среди ведущих концепций власти есть даже «теории сопротивления» (Д. Картрайт, Дж. Френч, Б. Рейвен и др. [4, с. 67]), в которых актор *A* подавляет сопротивление актора *B*, если пользоваться нашими обозначениями.

Сопротивление власти – не внешне по отношению к власти, оно внутри власти (во взаимодействии, отношении). Фуко интерпретирует сопротивление как эффект самой власти. Или, как пишет Д. Батлер, комментируя Фуко, сопротивление есть «самоподрыв» власти [5, с. 81].

Степень сопротивления для разных акторов различна. Скажем, для армии, которая строится на абсолютизации приказа и его безусловного выполнения, интенсивность силы сопротивления Власти невелика, но все-таки есть, свидетельством чему военные перевороты, коих в истории можно насчитать немало.

Иное дело – Наука. Власть, отдавая приказ, всегда ожидает подчинения и только подчинения. Наука в этом отношении не-

изменно вызывала и вызывает подозрения Власти, хотя Наука переворотов не устраивала. «Под сомнение ставится именно способ циркуляции и функционирования знания, его отношения с властью. Словом, режим знания» [1, с. 167]. Причина в том, что, приверженные академическим свободам, ученые истину ставят выше идеологических и политических утверждений, задаваемых обществу в качестве аксиом, то есть пытаются их либо доказать, либо опровергнуть. Иначе говоря, они проверяют приказы Власти на целесообразность, осуществимость, эффективность и т.п. Это важно и для самой Власти. «Чтобы осуществлялись отношения власти, – пишет Фуко, – всегда необходимо, чтобы у двух сторон присутствовала хотя бы какая-нибудь форма свободы» [1, с. 257]. Наука исторически завоевала себе академические свободы, которые шире среднедопускаемых Властью в обществе. Кроме того, найденные в процессе проверки приказов Власти ошибки Наука стремится исправить. Это необычно для подчиненных акторов. Именно в противоречии представлений Власти о пределах свободы, допустимой при сопротивлении приказам Власти, и масштабов академических свобод заложена принципиальная конфликтность отношений Власти и Науки.

Д. Ронг указывает основные способы сопротивления актора *B*:

- 1) попытка разрушения власти актора *A* и замены ее иной властью;
- 2) борьба за установление собственной власти (актора *B*);
- 3) борьба за изменение власти путем трансформации власти актора *A*;
- 4) ограничение власти актора *A* путем сокращения числа сфер влияния и его интенсивности;
- 5) попытка выйти из сферы влияния актора *A* [4, с. 77-78].

Разберем все перечисленные способы сопротивления применительно к Науке (актор *B*). Может ли возникнуть ситуация, когда Наука способна добиться от Власти поведения, соответствующего воле Науки, которого Власть в иных условиях не придерживалась бы?

Первый способ абсолютно не свойствен Науке и никогда ею не применялся. Второй способ интересен чисто теоретически. Об этом мечтал Огюст Конт. В его утопии Наука становилась Властью, но в реальности это невозможно, ибо сущность Власти – быть самоцелью, смысл Власти – господство, но не подчинение, и, если Наука становится Властью, она теряет свою сущность (также быть самоцелью) и меняет свой смысл (назовем это парадоксом Конта).

В отличие от двух первых, способы третий и четвертый вполне осуществимы. Дж. Френч и Б. Рейвен указывают на то, что в этих ситуациях степени и формы сопротивления различны и могут оказаться успешными в зависимости от природы мотиваций. К этому мы еще вернемся.

Что же касается пятого способа, он в современных условиях неосуществим (но, быть может, подходит для отдельных теоретиков, которым, кроме бумаги и компьютера, для исследований ничего не нужно). К тому же уход из сферы влияния абсолютно безопасен для Власти. Этот способ в масштабах страны неосуществим, потому что Наука зависима от Власти, по крайней мере, из-за потребности в финансовых средствах на проведение исследований.

Под *зависимость* будем понимать такое отношение «приказ – подчинение», когда актер B зависит от актора A , если необходимость, по крайней мере, в одном виде целенаправленного воздействия (деятельности) актора B отлична от возможности его реализации, определяемой актором A . Нетрудно видеть, что приведенная формула очень близка по смыслу к определению Р. Дая. Это означает принципиальное значение зависимости во властных отношениях, а сопротивление, которое, как мы видели, оказывается их другой важной характеристикой, направлено на уменьшение зависимости B от A .

Из определения зависимости следует, что она есть определенное противоречие между возможностью и необходимостью реализации некоторого (воз)действия одного из акторов, которое как-то разрешается. Как? Ответ лежит в сфере мотивации действий, точнее, в возможности влияния на мотивы другого актора, то есть в рефлексивном воздействии. Другими словами, в основе механизма зависимости лежит возможность влияния на удовлетворение интересов и на мотивы.

Таким образом, асимметричность властных отношений означает следующее: актер B оказывается зависимым от актора A , если B воспринимает A как обладающего властью по отношению к нему самому. Следовательно, влияние одного субъекта на другого определяется и восприятием (рефлексией) некоторой субординации. Но и обратно: рефлексией возможно корректировать поведение актора A . Вот она – форма сопротивления актора B через воздействие на мотивацию! Таким образом, Наука как актер оказывается игроком в некоторой рефлексивной игре. Особенность такого актора-игрока – способность к рефлексии высокого ранга.

Добиться подчинения, то есть нужного поведения, можно разными способами, – в частности, с помощью командного управления, рефлексивного управления, а вообще говоря, их сочетанием – смешанным управлением (рис. 2). Однако ранг рефлексии Власти (государства) заведомо ниже ранга рефлексии Науки в силу особой природы этого актора, а также ввиду того, что Власти, обладающей силовым ресурсом, нет необходимости вырабатывать у себя рефлексию высокого ранга.

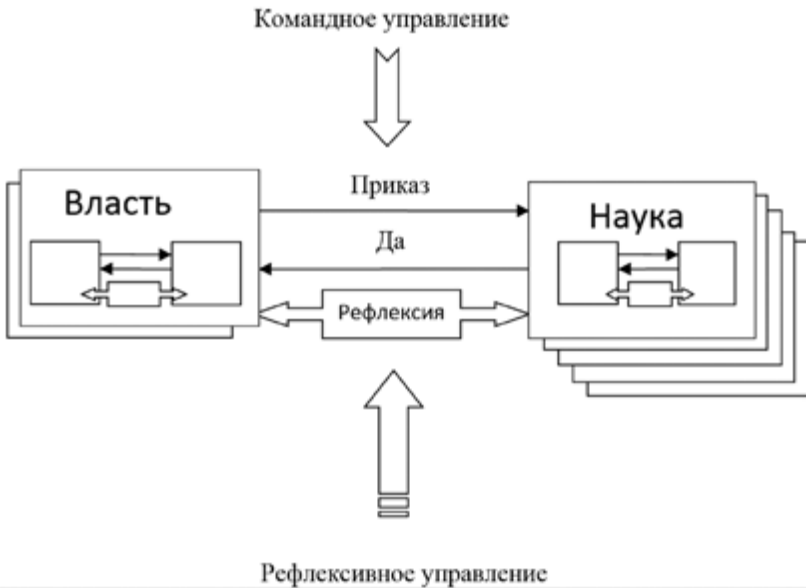

Рис. 2. Смешанное управление.

Наука добивается от Власти (государства) своих целей (в первую очередь финансирования поиска научной истины) только с помощью рефлексивного управления (переводя высокие интересы поиска истины рефлексивным образом на понятный власти язык утилитарных интересов государства). Власть не без оснований опасается, что в результате рефлексивного управления со стороны Науки она подвергнется трансформации, ограничению сфер влияния (третий и четвертый способы сопротивления из указанных выше) или даже будет заменена властью Науки (пятый способ, восходящий к парадоксу Конта). Для Науки ясна суть это-

го парадокса и неосуществимость модели (утопии) Конта, поэтому она никогда не пытается взять Власть (как не пытается создать «вечный двигатель»). Но для Власти невозможность *perpetuum mobile* не очевидна. Кроме того, из-за невысокого ранга собственной рефлексии Власть завышает ранг рефлексии Науки, в ее понимании представляющий опасность для Власти в смысле осуществления третьего и четвертого способов сопротивления. (На самом деле, более высокий ранг рефлексии не гарантирует проигрыша игрока с низким рангом рефлексии [6, с. 44, 47].) Когда разрыв в рангах рефлексии Власти и Науки и их представлениях о рангах рефлексии (своего и другого) становится выше некоторого предела, возникают кризисы в отношениях Власти и Науки.

Роберт Даль использовал ресурсный подход к власти: ресурс – все, что актер может использовать для влияния на других акторов. Тогда осуществление власти – способность превращать ресурсы во влияние. Ресурсы власти: деньги, сила, информация, авторитет, наконец, наука. Таким образом, Наука – не только актер-игрок, но и один из ресурсов Власти.

Интересно проследить эволюцию этого властного ресурса.

В далеком прошлом знание всегда служило основанием Власти, более того – власть и ученость отождествлялись. Впрочем, согласно Б. Расселу, знание и ученость как основание Власти относились не столько к подлинной учености, сколько к предполагаемому обладанию магическим могуществом [7, с. 169]. Подобная связь знания и Власти сегодня сохранилась лишь в самых диких племенах. Развитие образования в ходе общественного прогресса почти полностью развело Науку и Власть.

В войнах XIX века привлекали на время небольшое число ученых, чтобы они давали правительствам советы относительно военных программ, зависящих от научно-технических достижений. Первая мировая война привела к более тесным отношениям между Властью и Наукой. Затем возникли феномены СССР и Франции. В СССР научные исследования становятся направляемыми (планируемыми). Но это приводит и к провалам – биология, генетика, кибернетика. Во Франции вовлечение ученых в процесс принятия политических решений в 1939 году привело к созданию Национального центра научных исследований. Правительство взяло на себя ответственность за фундаментальные исследования. Наконец, атомная бомба принципиально изменила отношения Власти и Науки.

Отношения, сложившиеся между Наукой и Властью в середине прошлого века, заложены как в природе современной науки, так и в природе самой власти, безотносительно к эпохе (времени).

Знание есть власть (в смысле определения Р. Даля). Поэтому Власти нужна Наука и поэтому Власть боится Науки.

Власть есть знание (в смысле властного ресурса). Поэтому Наука как актер-игрок сотрудничает с Властью.

Наука есть ресурс Власти, но в то же время Наука использует властные ресурсы (политическую волю, деньги и т.п.)

В утопии Огюста Конта Наука становится Властью (мы выяснили, что это невозможно). Но его утопия, как предельный случай взаимоотношений Власти и Науки, показывает предельно малую область совпадения интересов Власти и Науки:

- знание есть власть (влияние);
- власть есть знание (властный ресурс).

В остальном их интересы и цели расходятся, становясь строго или не столь строго противоречивыми.

Знание как ресурс усиливает власть; власть как ресурс помогает накоплению знаний. Только в этой точке цели Власти и Науки не противоречат друг другу. Они нужны друг другу, но всегда будут недовольны друг другом – не потому, что тот или другой плох, но по объективным законам физики власти и философии науки.

Строгое противоречие означает жесткую конфронтацию Власти и Науки, когда Власть предписывает Науке определенные действия, рассматриваемые Наукой как ошибочные и вредные для государства. Такая ситуация является типичной для разных стран, политических режимов, типов экономик, поскольку соответствует природе Власти и природе Науки [8].

Нестрогое противоречие приводит к добрососедским отношениям Власти и Науки, как в XIX веке или в 1920–1930-е годы в СССР: Власть поддерживает научные исследования, хотя и рассматривает их как излишество, а Наука не в состоянии требовать всего необходимого.

У Власти есть достаточные основания для финансирования научной деятельности, и среди них на первом месте стоят оборона (военные задачи) и безопасность самой Власти. Ниже по приоритету и по размерам ассигнований располагаются престиж и экономические задачи. Затем идут задачи социальные (здравоохранение, пенсии и др.). И лишь в конце списка оказывается собственно развитие Науки. Последнее место Науки в этом ряду объясняется рядом причин:

– власть стремится к минимизации сроков между получением научных результатов и извлечением прибыли из их практического применения, поскольку на длительных периодах эта прибыль оказывается уже у другой Власти, а мера полезности Науки для действующей Власти не очевидна;

– бюджет фундаментальной науки невозможно рассчитать рациональными методами.

Власть не может рационально рассчитывать рентабельность Науки, поэтому Наука должна доказывать Власти свою рентабельность, в том числе используя рефлексивные процедуры.

Власть ставит под сомнение полезность Науки, потому что тактов неизменный ракурс ее наблюдения. Но и Наука критикует политические решения Власти, в том числе в отношении Науки. Здесь коллизия Власти и Науки, скорее, инициируется Наукой. В самом деле, компетентность Науки в вопросах политики, даже когда Наука использует форму рационального доказательства на математическом языке или языке инженерных схем, преувеличена [9] (за исключением случаев примитивных решений Власти), ибо Власть и политика включают в себя не только рациональное, но и иррациональное, и эта область сложнее открытых Наукой законов природы.

Реформа Российской академии наук (РАН) 2013 года стала следствием перехода отношений Власти и Науки в стадию строгого противоречия. Власть приступила к силовой (с нулевым рангом рефлексии) реорганизации Академии, на первом этапе даже не скрывая своей цели – ликвидации РАН. Среди причин кризиса – и завышение Академией ранга рефлексии Власти, и боязнь Власти проиграть рефлексивную игру, и медлительность РАН в самореформировании, и большой дефицит бюджета, и ложные модели эффективности Науки, выстраиваемые для себя Властью.

Рассмотрим рефлексивный аспект проблемы. Схематично ситуация развивалась следующим образом.

После длительного периода добрососедских отношений с Властью (не только в 1950–1970-е годы советского периода, но и позже) Наука рассматривала свои с Властью отношения как рефлексивную игру, приписывая Власти ненулевой ранг рефлексии. Отношения приказа – подчинения рассматривались Наукой как безусловные, отвечающие природе Власти. То есть смешанное управление со стороны Власти воспринималось Наукой как некая «командная константа», демонстрирующая что есть Власть плюс рефлексивная игра, в

которой можно, воздействуя на мотивы и трансформируя целеполагания Власти, если не выиграть, то и не проиграть. Однако такие отношения Науки и Власти (рис. 3) требуют выработки у государства «разумной рефлексии» [10, с. 7] для того, чтобы осуществлять разумное «управление интеллектуальными ресурсами и особенно – научным потенциалом страны» [11, с. 510].

Рис. 3. Ранг «разумной рефлексии».

Власть же, не уделяя достаточного внимания развитию собственной способности к рефлексивному управлению, в какой-то момент столкнулась с ситуацией, когда ее собственное разнообразие оказалось ниже разнообразия управляемой системы (разнообразие понимается как способность распознавать, различать и понимать множество состояний системы), то есть способность Власти добиваться от управляемой системы нужного поведения оказалась под угрозой в силу закона необходимого разнообразия У. Эшби [12], согласно которому управляющая система должна быть разнообразнее (умнее) управляемой. Власть отреагировала, резко усилив командную «вертикаль». Это с необходимостью вызвало стремление Власти к тому, чтобы подчинить как можно больше структур и сфер жизнедеятельности общества, что, в свою очередь, повлекло размытие (внесение неопределенности) функций органов государственного управления, распространивших свои интересы буквально на все виды отношений. Как

следствие – способность к рефлексии упала ниже критического значения. «Рефлексивные механизмы встречаются лишь в системах, которые обладают отчетливыми границами и могут функционально специализировать свои процессы, – пишет Н. Луман. – Обретение рефлексивности политической властью требует, например, соответствующего уровня дифференциации иерархических структур с достаточным разделением ролей» [2, с. 65].

Наука, следя за состоянием командной «вертикали», пропустила резкое снижение ранга рефлексии Власти, никак не меняя свою стратегию. Иначе говоря, Наука зависла в своем представлении ранг рефлексии Власти. Более того, ошибочно полагая, что рефлексивная игра продолжается (отсюда неуклонное стремление к переговорам с Властью), Наука не заметила, что ответные ходы перестали следовать, осталась лишь «командная константа» и ситуация свелась к примитивной формуле «приказ–подчинение».

Рис. 4. Разрыв рангов рефлексии.

Власть, оставшись с минимальным рангом рефлексии, начинает воспринимать парадокс Конта как реально угрожающую ситуацию, поскольку рефлексивная структура Науки не встраивается

в командную «вертикаль» именно из-за опасно (для Власти) высокого ранга рефлексии (рис. 4).

Невысокий ранг рефлексии управляющих, по-видимому, неизбежен. Измеряя с помощью специальных психометрических методик уровень интеллекта политических лидеров с силой их влияния (власти), американские политические психологи обнаружили, что самый низкий уровень влияния оказывается у лидеров, чей интеллектуальный потенциал был в 3–4 раза ниже, но также и в 3–4 раза выше (!) среднего. Наибольшим влиянием пользовались лидеры с интеллектом, лишь на 25–30 процентов превышающим средний уровень электората. Хорошо, конечно, когда вами управляет мудрое правительство, но простые избиратели предпочитают быть плохо управляемыми людьми, которые похожи на них [13, с. 563–564]. Мудрое правительство можно получить, только подняв общий интеллект избирателей, то есть через образование, популяризацию науки, повышение уровня культуры. Мы же сейчас находимся не на подъеме, а, наоборот, спускаемся «с горки». Реформы науки, образования, культуры идут в общем русле ликвидации творческого, интеллектуального потенциала страны и подготовки простых исполнителей стандартных операций (при установке исключительно на зарабатывание денег, которые можно использовать для получения удовольствий – декларируемая цель жизни). Очевидно, руководство страны не понимает, что при успешном проведении этих реформ очень скоро действующее правительство покажется избирателям «слишком умным» и будет заменено на правительство вовсе примитивное.

Возвратимся к развитию рефлексивной игры Власти и Науки.

В результате сильного рассогласования представлений игроков о ранге рефлексии друг друга возник кризис. Вообще говоря, он не следует из такого рассогласования с необходимостью. Для того чтобы кризис разразился, необходимо некое *спусковое воздействие*. Это спусковое воздействие обычно лежит в сфере мотивации действий игроков. Спусковым воздействием может стать появление нового, мощного мотива либо резкое усиление одного из имеющихся мотивов, не получающего адекватного рефлексивного представления у другого игрока. (Заметим, что авторы идеи и законопроекта о реформе РАН так и остались неизвестными обществу. Как точно заметил И.А. Исаев: «Насилие часто стремится быть анонимным» [14, с. 218]). Спусковое воздействие может сработать, только когда акторы внутренне уже предрасположены

к переходу в новое состояние. Наука была готова к изменениям, поскольку сама задержалась с собственным реформированием и не скрывала этого, формируя информационную картину собственных планов. Власть оказалась готова к изменениям, потому что Наука осталась последним не освоенным Властью ресурсом.

Существуют мотивы двух видов: 1) каузальные (мотивы-причины) и 2) интенциональные (мотивы-намерения, мотивы-цели) [15, с. 184]. Каузальным мотивом (который в недавнем прошлом был мотивом интенциональным) реформы РАН стало решение о подстройке, а точнее – о подражании западным образцам сначала в образовании, а затем и в организации науки. Сначала общество реагировало со смешком: мол, начался процесс «оболонивания». Затем соглашалось: какая разница, как будем называть диссертантов – «бакалавры», «магистры», «кандидаты» – лишь бы деньги давали. Затем привыкли, и создалась предрасположенность к переходу в новое состояние [16]. И тогда возник сильнейший интенциональный мотив последующего кризиса в отношениях Власти и Науки – видимая возможность превратить в деньги (тоже ресурс Власти) имущественные ресурсы РАН и других государственных академий с целью пополнить все более остродефицитный бюджет страны (рис. 5).

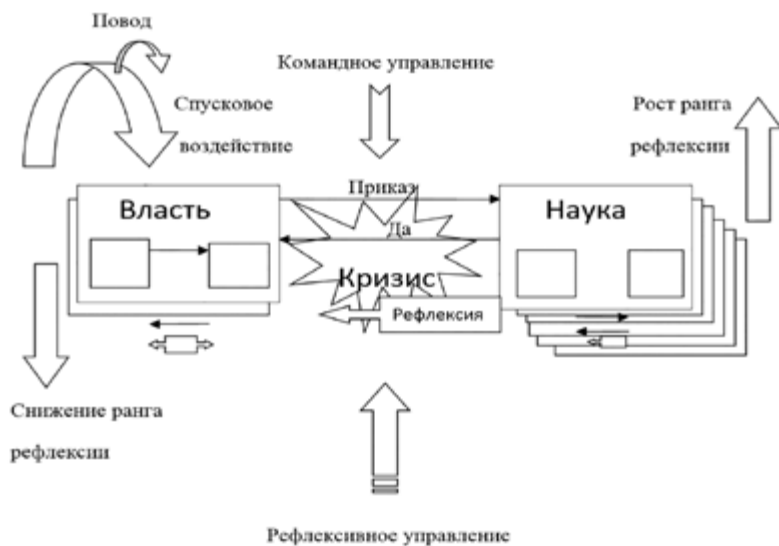

Рис. 5. Возникновение кризиса.

От спускового воздействия следует отличать *повод* в гегелевском его понимании как «внешнего возбуждения внутреннего духа» (в текущих комментариях, касающихся реформы РАН, причиной реформы неверно назывались личные амбиции, месть и т.д.; они не могли стать даже спусковым воздействием, хотя имеют ясную мотивационную интерпретацию). «Внутренний дух» реформы РАН, безусловно, определяется в экономических категориях выгоды, прибыли, (не)рентабельности Науки, точнее, невозможности для Власти ее рассчитать – в нашей терминологии, спусковым воздействием. Как точно сказано у Гегеля, «только самим этим внутренним духом события нечто само по себе мелкое и случайное было определено как его повод» [17, с. 213].

Теперь заметим, что реальный механизм развития кризиса несколько сложнее. Поскольку Власть – общественное явление, необходимо учесть другие значимые акторы: профессиональные сообщества, средства массовой информации (СМИ), а в первую очередь – само общество. Это означает, что, если мы хотим уяснить пределы рациональности принимаемых решений, «надо исходить из тех функций власти, которые релевантны всему обществу в целом», как справедливо замечает Н. Луман [2, с. 151].

Рассмотрим структуру рефлексивного взаимодействия трех акторов – Власти, Науки и Общества. В качестве подтверждения необходимости включить в анализ Общество заметим, что, по данным исследовательского холдинга РОМИР, в самом начале сентября 2013 года, как раз накануне третьего чтения законопроекта о реформе РАН (само исследование проводилось в июле, сразу после скандального начала реформы), наибольшим доверием граждан России среди различных институтов и структур пользовалась Российская академия наук – в целом РАН доверяли 67% респондентов, даже больше, чем Православной церкви, и впервые за многие годы [18]. Такой высокий уровень общественного доверия наблюдался, несмотря на предельно смазанный портрет Науки в глазах Общества, к тому же искаженный многочисленными псевдо- и лженаучными картинками, рисуемыми СМИ.

Уровень доверия президенту РФ и Правительству РФ также был высоким – 63% и 52% соответственно (Государственной думе и Совету Федерации Федерального собрания РФ – 44% и

47%; но законопроект о реформе РАН был представлен Правительством РФ) [18].

Трудно с уверенностью утверждать, что понимает Общество под «доверием». Но как рекомендует Фуко, «чтобы понять, что общество понимает под “разумностью”, надо проанализировать, что происходит в сфере умопомешательства»; или надо «проанализировать, что происходит в сфере беззакония, чтобы понять, что мы имеем в виду, когда говорим о законности»; чтобы понять Власть, надо проанализировать формы сопротивления [1, с. 165]. К формам сопротивления мы вернемся ниже, а пока сравним уровни недоверия, чтобы в полной мере оценить уровни доверия. Картина, согласно исследованию РОМИР, представлена в таблице 1 [18].

Табл. 1. Уровень недоверия.

	Институт		Не доверяют (%) опрошенных
1	Российская академия наук		27,5
2	Православная церковь		28,3
3	Президент РФ		34,3
4	Правительство РФ		46,1
5	Министерство образования и науки РФ		43,0
6	Федеральное	Государственная дума	53,8
7	собрание РФ	Совет Федерации	48,2
8	Средства массовой информации		46,6
9	Вооруженные силы РФ		36,1
10	Полиция		61,5
11	Местные органы власти		49,6

Приведенные данные показывают, что мы живем в мире недоверия, и в первую очередь в мир недоверия погружена Власть. Отношение «доверяю/не доверяю» колеблется около значения 50% для большинства институтов Власть. Это значит, что Общество находится в состоянии максимальной неопределенности. Лишь три института выделяются по уровню недоверия (в порядке уменьшения недоверия): президент РФ, Православная церковь и Российская академия наук! У Академии абсолютный минимум недоверия (рис. 6).

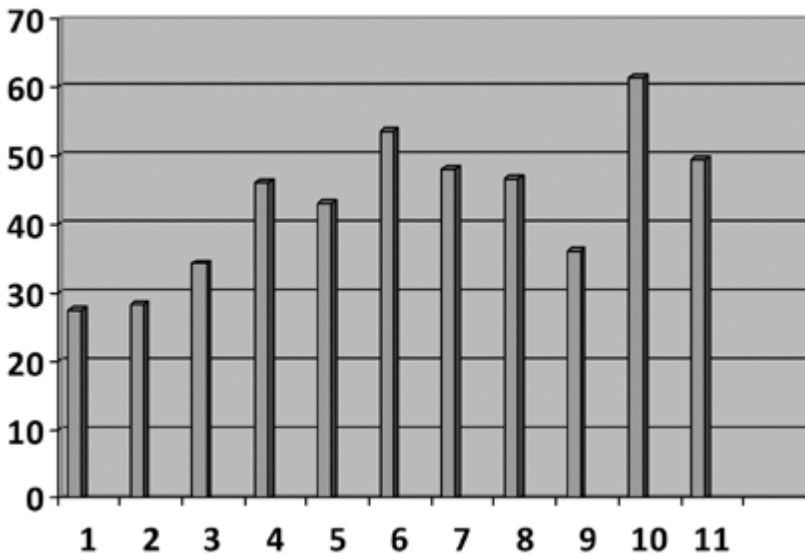

Рис. 6. Уровень недоверия (нумерация институтов соответствует табл. 1).

Структура взаимного доверия трех рассматриваемых игроков – Власти, Общества и Науки – описывается графом, в котором вершины обозначают членов группы, отношение доверия – ребрами со знаком «+», а отношение недоверия – ребрами со знаком «-» (рис. 7).

Введем через отношения критерий оценки способности группы к рефлексивному взаимодействию. При значении критерия выше верхнего порога группа вполне способна к такому взаимодействию. Ниже нижнего порога – неспособна. В интервале между ними возникают разрешаемые коллизии. Выберем в данном интервале точку настройки на сотрудничество, выше которой участники взаимодействия еще настроены на сотрудничество, а ниже – не настроены. Назовем ее точкой баланса. Граф считается сбалансированным, если произведение ребер-отношений знакоположительно, и несбалансированным, если отрицательно. В сбалансированной структуре трех участников (рис. 7) рефлексивное взаимодействие в принципе было возможно благодаря доверию Общества к Науке. Таким образом, в истории с реформой РАН Общество оказалось ключевым игроком, благодаря которому события развивались относительно мирно с включением мыслительных структур.

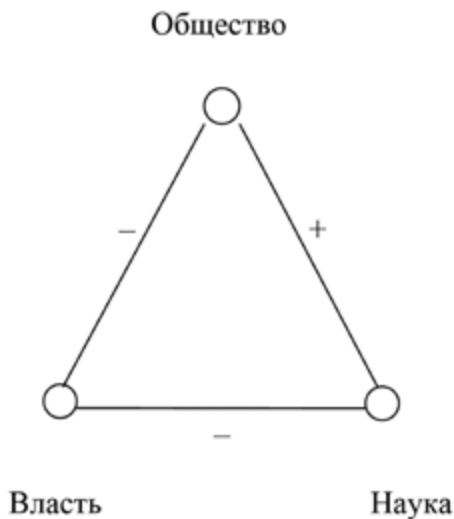

Рис. 7. Структура взаимного (не)доверия трех игроков.

Схематично картина взаимодействия Власти, Общества и РАН выглядит следующим образом (рис. 8).

Ошибкой РАН было не информировать (точнее – плохо информировать) Общество об Академии как научной организации, о работе институтов РАН, о достижениях ученых, РАН не занималась популяризацией Науки. Можно сказать, что между Наукой и Обществом существовало ослабленное рефлексивное взаимодействие.

Власть командовала Обществом, так же как и Наукой, не обременяя себя рефлексией, и не сразу поняла высокий уровень доверия Общества к РАН, что в сочетании с протестами, прокатившимися по всей стране, испугало ее и заставило взять паузу для подготовки решающего удара.

Наука своим пренебрежительным отношением к ознакомлению в научно-популярных формах Общества со своей деятельностью потеряла мощного потенциального союзника, способного качественно изменить ход борьбы.

Со стороны Власти реформа проводилась силовым, командным способом, с минимальным рангом рефлексии. Но с точки зрения достижения поставленной цели рефлексивное управление применялось, и весьма эффективно.

Рис. 8. Рефлексивное взаимодействие трех акторов.

Прежде всего был задействован фактор времени: в шахматах при игре в блиц развитие партии в многоходовых рефлексиях не столь эффективно, как быстрая реакция и нажатие кнопки шахматных часов. Власть искусственно перевела игру в режим «блиц», где сложные расчеты, которыми пользовалась Наука, да еще учитывая присущее ей постоянное запаздывание, ставили ее в заведомо невыгодную ситуацию.

Полная внезапность начала «игры» не оставила Науке шанса на домашние заготовки, за исключением немногочисленных реальных собственных проектов реформы РАН. Попытка принять закон о реформе РАН сразу в трех чтениях за два дня, если бы она удалась, поставила бы на Академии наук крест. Лишь мощная волна возмущения и протестов со стороны сотрудников РАН смогла задержать и отложить третье чтение законопроекта и его принятие.

«Существует множество различных сопротивлений, каждое из которых представляет собой особый случай: сопротивления возможные, необходимые, невероятные; другие – спонтанные, дикие, одинокие, согласованные, неистовые, насильственные; но и другие – готовые к соглашению, корыстные или жертвенные; по определению они могут существовать лишь в стратегическом поле отношений власти», – приводит примеры Фуко [19, с. 196]. Множество видов сопротивления реформе самопроизвольно возникли в академическом сообществе. Митинги и протесты были самой жесткой их формой. Сопротивление с «готовностью к соглашению» стало официальной линией Президиума РАН. Между этими формами зародились такие способы сопротивления, как публикация статей в прессе, раскрывающих суть происходящего (когда удавалось прорывать информационную блокаду), сатирические рисунки, стихи и песни, распространяемые в интернете и т.д. Их влияние правильно будет оценивать только в совокупности, не выделяя их по одной и как бы не именуя – проигрышными или успешными. Эти формы сопротивления как часть отношений власти стали и частью образа Власти, который будет трудно изменить, пока живы поколения участников сопротивления.

Ловушечные ходы, которые делала Власть, были однообразными, но результативными. Имитация переговоров Власти с академиками, якобы учет поправок РАН в законопроект, из которых в действительности лишь немногие принимались, да и то исключительно в угоду общественному мнению, – классические приемы замаскированных воздействий. То же можно сказать о публичном предложении президенту РАН академику В.Е. Фортову должности руководителя Федерального агентства научных организаций на переходный период, оставшееся без движения.

Нельзя сказать, что Наука не понимала ловушечного характера этих ходов и «играла» как ребенок, раз за разом попадаясь на «детский мат». Наука выбрала стратегию переговоров с Властью, в которых она могла максимально включить свои рефлексивные возможности, и последовательно придерживалась ее. Ситуативная смена стратегий привела бы к быстрому поражению. В переговорах, пользуясь тактикой «салями» (крошечные выигрыши, накапливаясь, дали результат – победу Власти уже нельзя было назвать абсолютной, удалось убрать формулу «ликвидации РАН», получить «второй ключ» в решении вопросов научного планирования работы институтов и кадровых вопросов и т.д.), Наука, не-

смотря на разгромное поражение, смогла отыграть важное – базу для возрождения РАН в будущем.

В рефлексивной стратегии Власти серьезную роль играли «черные» информационные технологии, прекрасно отработанные в течение почти двух десятилетий. Залпы «грязи», раздававшиеся по команде в нужный момент, чередовались с полной блокадой информационной картины развития событий вокруг реформы РАН: ни телевидение, ни печатная пресса, за исключением отдельных немногочисленных СМИ, не давали обществу сведений о протестах, митингах, о позиции РАН, да и вообще о существовании такой проблемы.

В теории рефлексивных игр универсальной общей ценностью группы игроков является принцип запрета эгоизма: каждый игрок, входящий в группу, преследуя достижение своих целей, не должен наносить ущерб группе как целому [20, с. 205]. Этот принцип играет столь же фундаментальную роль, как в классической теории игр принцип гарантированного результата, позволяющий минимизировать возможные потери игроков и используемый участниками игры, которые не хотят рисковать и рассчитывают на некий гарантированный результат при любом ходе другого игрока по следующей логике: сначала согласиться с наименьшим результатом, а затем повышать выигрыш, выбирая ходы, для которых гарантированный результат максимален.

Рефлексивная игра трех ее участников – Власти, Науки и Общества – завершилась формальной победой Власти. Точнее, не завершилась, а оборвалась вследствие нарушения Властью (по незнанию?) принципа запрета эгоизма и, как следствие, разрушения самой структуры игры. Отныне группы как целого нет, рефлексивное управление в ней невозможно. В качестве инструмента остается лишь управление командное.

Десятилетие назад С.Г. Кара-Мурза точно сформулировал: «За последние 15 лет произошло повреждение и частичная деструкция структур мышления значительной части работников управления и органов власти РФ, а также их социальной базы гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Из этой среды новые («странные») нормы и приемы мышления диффундируют в массу людей с более низким уровнем образования. Результатом стала общая неспособность рационально оценивать опасности, прогнозировать риски и осуществлять контроль над чрезвычайными событиями и процессами. Более того, неадекватные умоза-

ключения сами становятся источниками опасности и порождают саморазрушение систем». И, доказав этот тезис рядом убедительных примеров, заключил: «Мы идем неизвестно куда, но придем быстрее других!» [21, с. 17, 34]. Кажется, пришли.

Оценивая *post factum* действия Власти, можно сказать, что уроки Макиавелли были ею усвоены хорошо и поставленная цель (отвлекаясь от моральных соображений и действительных интересов государства) была достигнута минимальными затратами. Но перефразируя Фуко, можно сказать: предположение о «разумности» реформы РАН после анализа ситуации приводит к диагнозу «государственное умопомешательство». Уничтожить свой «золотой ресурс», обеспечивавший мощь государства, стимулировать свой «самоподрыв» как Власти – явные признаки безумия.

Командными методами и минимальной рефлексией перераспределить властные ресурсы и добыть таким способом деньги возможно, но понять, что, будучи уничтоженной, Наука восстанавливается на интервалах порядка сотни лет, не суметь без разумной рефлексии.

Примечания и литература

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970-1984. Часть 3. – М.: Праксис, 2006.
2. Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001.
3. Dahl R. The Concept of Power. – Behavioral Science, 1957, № 2.
4. Осипова Е.В. Власть: отношение или элемент системы? // Власть. Очерки современной политической философии Запада. – М.: Наука, 1989.
5. Батлер Д. Психика власти. Харьков: ХЦГИ; – СПб.: Алетейя, 2002.
6. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры. – М.: СИНТЕГ, 2003.
7. Мивениерадзе В.В. Усмирение власти (политическая философия Б.Рассела). – В кн.: Власть. Очерки современной политической философии Запада. – М.: Наука, 1989.
8. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
9. В том числе и данный анализ также не является абсолютно верным рассуждением.
10. Макаров В.Л. Государственный аудит и проектирование будущего. – В кн.: Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. – М.: Наука, 2008.
11. Степашин С.В. Конституционный аудит. – М.: Наука, 2006.
12. Эшби У. Введение в кибернетику. – М.: Иностранная литература, 1959.

13. *Диллигенский Г.Г.* Психологические аспекты политического лидерства. – В кн.: Психология и психоанализ власти. Хрестоматия. Т. 1. – Самара: Издательский Дом БАХРАХ, 1999.

14. *Исаев И.А.* Власть и закон в контексте иррационального. – М.: Юристъ, 2006. С. 218.

15. *Эмбри Л.* Рефлексивный анализ. Первоначальное введение в феноменологию. – М.: Три квадрата, 2005.

16. Сложные системы (включая государства) ищут эффективные формы управления. Часть проб оказываются удачными, тогда «удачливым» системам начинают подражать другие (даже несмотря на то, что изменилось время, условия, структура подражающей системы иная). Такой способ управления называется адаптивным управлением. Он эффективен при недостатке ресурсов, при нестабильной структуре системы, при слаборазвитой технологии ее деятельности и невысоких интеллектуальных возможностях. Адаптивное управление используют муравьи в муравейниках, пчелиные семьи, а также аквариумные рыбы, крысы, куры и другие животные. Иногда адаптивное управление используется в обучении людей по принципу «делай как я».

17. *Гегель Г.* Наука логики. Т. 2. – М.: Мысль, 1971.

18. Интерфакс, 4 сентября 2013 г. (<http://www.interfax.ru/news.asp?id=326969#tm21>); Мониторинг РОМИР, 4 сентября 2013 г. (http://romir.ru/studies/499_1378238400/)

19. *Фуко М.* Воля к знанию; Использование удовольствий. – В кн.: Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Кастанья, 1996.

20. *Ленский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Когито-Центр, 2010.

21. *Кара-Мурза С.Г.* Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление. – «Рефлексивные процессы и управление», июль-декабрь 2003, Т. 3, № 2.

Что такое научный юбилей

Юбилеи предназначены для удовлетворения естественной потребности человека и общества в воспоминаниях и поддержания памяти о значительных личностях и важных событиях, являющихся частью культурного и исторического наследия человечества, страны, народа, социального института, того или иного круга людей. В фокусе любого научного юбилея обычно находится научный субъект и/или связанное с ним научное событие.

Предварительно дадим несколько рабочих определений.

Определение 1 Научный субъект – ученый (физическое лицо,

личность) или организационно оформленная группа ученых (лаборатория, институт, университет, академия наук).

Определение 2 Научное событие – действие, совершенное научным субъектом и зафиксированное на шкале времени (календаре).

Определение 3 Научный объект – научный субъект и/или его действие (научное событие).

Определение 4 Субъектная среда – научные и иные субъекты, прилагающие направленные усилия для переосмысления научного объекта.

Базовыми субъектами научных юбилеев обычно являются представители научной среды (организаторы науки, заинтересованные в юбилее ученые, а также ученые, остающиеся за пределами активного юбилейного круга), общество (налогоплательщики; лица, причастные к науке; школьники и студенты и т.д.), а также представители властей (государственная власть, отраслевые начальники).

Теперь мы готовы определить в целях данной статьи понятие «научный юбилей».

Определение 5 Научный юбилей – ментальный феномен, порождаемый научным объектом, осмысляемый научным субъектом в рамках юбилейных («круглых») периодов временной шкалы и, возможно, сопровождаемый направленными организационными усилиями субъектной среды.

Ментальная природа научного юбилея позволяет рассматривать его рефлексивно конструируемый феномен.

Введем следующие обозначения:

S_j – научный субъект-юбиляр (имея в виду, что *subject* – субъект и *jubilee* – юбилей);

E – субъектная среда (*environment* – среда);

E_s – научный субъект (*scientific* – научный);

E_o – иные субъекты (*other* – иной);

$E = E_s + E_o$;

A_s – действие научного субъекта, событие (*action* – действие).

Зафиксируем весь наличный субъектный состав $\{S_j, E_s, E_o, A_s\}$ на прямоугольном «ментальном экране» (в терминологии В.А. Лефевра, «плацдарм» [1, с. 12]). Каждый из трех видов субъектов имеет свои представления о юбиларе или юбилейном событии, поэтому «ментальный экран» каждого из субъектов будет отличаться от других. Что же касается научного события A_s , то иногда оно выражается в виде научной книги, теории, формулы, нако-

нец, и значит, имеет свое ментальное содержание, которое и отражается на «ментальных планшетах» субъектов в соответствии с их представлениями.

Различие представлений хорошо иллюстрируется таким примером. При подготовке 100-летнего юбилея со дня смерти М.В. Ломоносова научный субъект E_s (Петербургская Академия наук) планировал лишь торжественное заседание, но представители общественности видели предстоящий юбилей значительно шире: поминальное богослужение в Александро-Невской лавре, концерт в Мариинском театре, учреждение ломоносовских стипендий, а также медали за лучшее сочинение о Ломоносове.

С позиции рефлексии можно выделить следующие виды научных юбилеев.

$S_j \equiv E = E_s + E_o$ Вырожденный! случай, когда сам ученый подводит итоги, самоосмысление сделанного, рефлексия ученого относительно собственных представлений о своей деятельности, авторефлексия.

$S_j \cup E = E_s + E_o$, где \cup – знак логического объединения. Субъект-субъектная рефлексия, беседа ученого с ученым, пусть даже мысленная, через годы; попытка понять юбиляра, осуществляемая любым субъектом.

$A_s \cup E = E_s + E_o$ Субъект-объектная рефлексия, размышление над книгой, интерпретация текста, его толкование, критика, герменевтика, попытка понять событие, идеи людей, с ним связанных в некотором историко-культурном пространстве.

Итак, организаторы и участники научного юбилея $\{S_j, E_s, E_o\}$ предпринимают ряд действий по реконструкции юбилейного события, имея различные представления о юбиляре, юбилейном событии и о том, как юбилей надо проводить и какие главные идеи провести. (В случае когда юбиляр давно покинул земной мир, количество «ментальных экранов», естественно, меньше $\{E_s, E_o\}$ и юбиляр не имеет возможности корректировать планируемые мероприятия и их интерпретацию.)

«Экран» S_j – единичный в случае присутствия юбиляра и нулевой (пустой) в случае его отсутствия. «Экраны» $\{E_s, E_o\}$ множественны.

Конструирование рефлексивного феномена научного юбилея происходит следующим образом. Проведем параллель с процессом сборки рефлексивных субъектов, введенным В.Е. Лепским [2, с. 205-207], и подобно ему будем говорить о сборке «ментальных экранов». «Экраны» базовых субъектов научного юбилея собира-

ются в экраны совокупного научного субъекта $\{E_s\}$ и совокупного дополнительного субъекта $\{E_o\}$. Технология сборки сложна, потому что описывается функцией многих переменных и зависит от ряда параметров – культурных, ценностных, целевых. «Экран» совокупного научного субъекта обычно оказывается более определенным ввиду общности культуры, ценностей и поставленных целей. «Экран» совокупного субъекта, описывающего представителей власти, общества, тех или иных социальных групп, напротив, размыт, менее функционален, асинхронен. Цели того и другого субъекта могут совпадать (например, продемонстрировать глубокие научные традиции страны), а могут оказаться противоположными (скажем, получить серьезное финансирование юбилейных мероприятий и постараться сэкономить на юбилее; при этом возможны и асоциальные цели – переложить часть средств в свой карман). Также могут отличаться ожидания от юбилея, желание использовать собственные ресурсы и т.п.

С учетом указанных расхождений сборку двух указанных совокупных «экранов» можно рассматривать как компромиссный результат рефлексивной игры [3] виртуальных носителей этих «экранов».

Влияние «мыслительного экрана» юбиляра (в случае его физической вовлеченности в процесс подготовки юбилея) на результат этой рефлексивной игры не может значительно повлиять на сложнейшие взаимодействия в процессе описанной выше сборки.

В случае, когда речь идет о юбилейном событии, на совокупных «экранах» оно описывается в виде, удобном для отражения результата рефлексивной игры и необходимом скорее для укрепления единства базовых субъектов и оправдания настоящего, нежели для подтверждения его подлинности.

На плоскостях «ментальных экранов» взаимно отражается их содержимое, и результат их сложения может оказаться и обычно оказывается отличающимся от первичных представлений субъектов E_s и E_o . Так, в ходе подготовки к празднованию 200-летия М.В. Ломоносова была спланирована большая издательская программа: закончить издание собрание сочинений Ломоносова, выпустить словарь его языка и ряд научных трудов. Однако в результате была опубликована лишь научная биография великого ученого, написанная Н.А. Мешуткиным. Задуманный Ломоносовский институт не создали. Памятник Ломоносову рядом со зданием Академии наук открыли лишь через 75 лет. Вместо вы-

ставки при Академии наук была организована большая юбилейная экспозиция «Ломоносов и Елизаветинское время» в Императорской Академии художеств, причем самому Ломоносову была отведена последняя, угловая комната, то есть акценты были смещены в пользу царского двора. 250-летний юбилей М.В. Ломоносова отмечался уже как праздник всей страны, торжественное собрание проходило в Московском государственном университете, а юбилейная выставка называлась «М.В. Ломоносов и его роль в развитии русской и мировой науки». Празднование 300-летия М.В. Ломоносова восстановило правильный баланс оценок учебного, появилось новое издание его собрания сочинений, вышло множество книг и альбомов, и не только научных, имела успех замечательная выставка в Эрмитаже. Но зато 250-летие со дня его смерти в 2015 году прошло почти незамеченным. Наверное, здесь сказался слишком короткий промежуток, отделяющий одну дату от другой. Но также и социальный контекст: 2011-й и 2015 годы слишком отличаются по отношению властей к науке и ученым.

Представим себе многогранник, оформленный изнутри в стиле «комнаты смеха» (здесь нет ни намека на насмешку над научными юбилеями, просто проводится хорошо всем знакомая аналогия). Каждая грань внутри – это индивидуальный «ментальный экран», зеркало, отличающееся от других своим рельефом в соответствии с представлениями, отраженными на «экране». Наблюдатель, оказавшийся внутри этого «ментального многогранника», увидит сложнейшие отражения «ментальных экранов», вообще говоря, не совпадающие ни с одним из исходных «экранов» (и, кстати, внесет в него новые искажения, поскольку «увидит» – для него означает отражение на своем «ментальном экране»).

Проведенное сравнение хорошо объясняет, почему ни один научный юбилей не получается таким, как он был задуман, а также почему наряду с похвальными его оценками непременно присутствует и критика юбилея.

Благодаря свойству рефлексивности базовых субъектов в процессе их сборки конструируется пространство юбилея (разной конфигурации в зависимости от способности и ранга рефлексии каждого субъекта), в котором базовые субъекты производят активные действия по достижению своих целей. Множественность воспоминаний, зафиксированная на «экранах», после сборки превращается в коллективную память и тем самым объединяет большие группы людей, становится основанием их общей идентичности.

Так, годовщины запуска первого спутника, первого полета человека в космос, первого выхода в открытый космос в силу особой значимости указанных технических достижений неизбежно вызывают у граждан чувство гордости за свою Родину и укрепляют их единство. Более того, при этом происходит эмоциональный перенос, быть может, не всегда обоснованный, гордости и единства из прошлого в настоящее и даже в будущее.

При сборке «ментальных экранов» в юбилейной практике используется презумпция лояльности: конфликтующие представления исключаются из образов на «экранах». Отсюда следует сведение взаимной критики и критики юбиляра (юбилейного события) к исчезающе малой величине. А это, в свою очередь, означает создание взаимоприемлемого (неточного, переработанного), то есть мифологизированного образа юбиляра (юбилейного события).

Заметим, что мифологизация юбиляра или юбилейного события – не имеет целью искажение действительности (хотя последствия научного юбилея при неизбежном попадании соответствующей информации в качестве исторического источника в поток научной литературы к этому иногда приводят). Юбилей пропускает информацию о юбиляре или юбилейном событии через «фильтр» праздника и транслирует мифологизированные образы в будущее, объясняя, *почему* юбилейное событие (юбиляр) не забыты, а вовсе не передает сведения о том, как все происходило на самом деле.

Если, однако, презумпция лояльности замещается презумпцией величия (правильнее говорить, псевдовеличия), то срабатывает «эффект бумеранга» и возникает миф, обратный по знаку. Так, на волне послевоенного безудержного прославления отечественной науки для достижения поставленных целей в ломоносоведении был сформирован образ М.В. Ломоносова как человека, освоившего все науки, сделавшего величайшие открытия и самостоятельно сконструировавшего многие новые научные приборы. В результате, как закономерная реакция общества, возник противоположный миф о том, что он вообще ничего не сделал в науке.

Особым способом мифологизации юбиляра или юбилейного события является искусственное расширение юбилейных периодов на шкале времени с целью углубить историю научного учреждения.

Дополнительно к сказанному хотелось бы обратить внимание на следующее: благодаря презумпции лояльности, можно утверждать, что юбилейные практики – уникальное поле, где сборка «ментальных экранов» субъектов возможна и чаще всего дости-

гается. Этим юбилейные практики особенно интересны – как образцы социальных технологий. Они могут не только служить полигоном отработки механизмов сборки рефлексивных субъектов, но и использоваться в более широких социально-экспериментальных целях.

Особый вид научных (точнее, научно-технических юбилеев) – непамятные событийные юбилеи. К числу таких бедственных событий относится одна из самых больших техногенных катастроф в истории атомной энергетики – авария на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года. Обращение к этой теме в год 30-летия катастрофы – форма коллективного осмысления происшедшего.

Для науки любое обсуждение сложной и противоречивой темы обязательно сводится к поиску истины. Но и в такого рода юбилеях обычно самый важный для ученого вопрос – что же в действительности произошло? – замещается другим вопросом: почему данное событие остается в памяти людей? Презумпция лояльности в непамятных юбилеях принимает форму уважения к памяти отдавших свои жизни ради многих.

Чернобыльская авария дает наглядный пример последствий, которые растянутся на тысячи лет вперед, – подавляющее человека осознание несоизмерности этого периода с юбилейным промежутком, с продолжительностью человеческой жизни и даже соотносимого по масштабам с жизнью человечества. Чернобыль продемонстрировал одновременно могущество и уязвимость человека.

Непамятный событийный юбилей пропускает информацию о давно прошедшем событии сквозь иной фильтр – общей причастности к нему, и благодаря направленным усилиям базовых субъектов, уточняет отношение к данному событию на сегодняшних «ментальных экранах», тем самым определяя и будущее к нему отношение. При этом в последующих юбилеях это отношение может изменяться.

Роль историков науки сродни функции наблюдателя, вошедшего в «ментальный многогранник» со своим «экраном»: понимая важную социальную функцию и роль научных юбилеев и придерживаясь презумпции лояльности в ходе юбилейных торжеств, выполняя впоследствии (выйдя из «многогранника») функцию «чистильщика», оберегая, насколько это возможно, историю науки от мифологической составляющей, накапливаемой в процессе подготовки и проведения научных юбилеев (сборка «ментальных экранов»), рефлексивная игра с поиском компромисса, изъятие

конфликтующих представлений, «осветление» образ юбиляра или юбилейного события).

Литература

1. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973.
2. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Когито-Центр, 2010.
3. *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Рефлексивные игры. – М.: СИНТЕГ, 2003.

Научный азарт как рефлексивная игра

Научный поиск – решение творческой задачи, которая иногда захватывает и не отпускает ученого, как игра – азартного игрока. Возникает «азартная вовлеченность» [1, с. 13] как непреодолимое стремление к решению научной проблемы, создающее у исследователя зависимость, отчасти схожую с зависимостями от психоактивных веществ, например, с возникающей в гейминге (игровая зависимость), а также с иными поведенческими зависимостями. Однако структура этой зависимости оказывается существенно иной и более сложной, чем в функциональной зависимости $y = f(x)$.

Азартная зависимость, обусловленная в том числе и социальной средой, есть одна из форм социальных отношений, в которые вовлечен субъект, определяемая внутренней структурой мотиваций и интересов субъекта, множеством элементов поведения субъекта и отношениями между этими элементами (стратегия поведения), его авторефлексией (самосознанием), а также способностью к восприятию поведения среды (иного субъекта или субъектов), то есть рефлексией.

Природа и структура азартной зависимости в многочисленных концепциях выглядят по-разному: и неадекватная попытка разрешения внутриличностного конфликта, и непрекращающийся вызов судьбе, и привыкание к ожиданию выигрыша, и искажения оценок в когнитивных процессах [1, с. 34-50]. Для нас особенно интересен когнитивный подход, в рамках которого делается попытка связать познавательные процессы с самосознанием (что очень близко к авторефлексии), а также с принятием решения – выбором стратегии игры.

В самом общем виде интегративная модель, описывающая азартную зависимость, показана на рис. 1.

Важнейшей характеристикой азартных игр является наличие в них выигрышей. И в науке имеются традиционные бонусы – повышения, другие символы признания вплоть до Нобелевской премии. Однако наряду с показателями научного успеха, имеющими материальное выражение, имеется и другой, не менее действенный, – чувство удовлетворения, удовольствие.

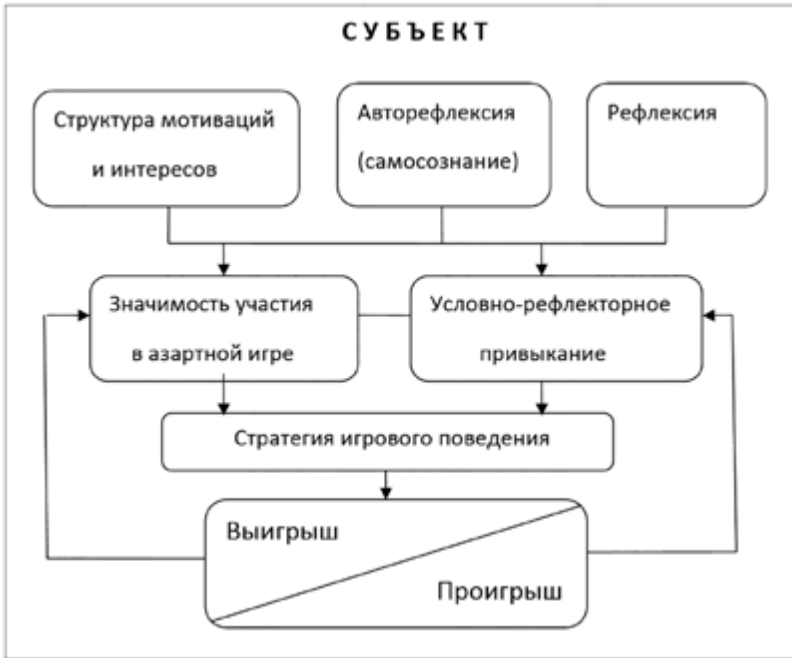

Рис. 1. Структура азартной зависимости.

Каждому азартному игроку свойственно свое игровое поведение. Азартные игроки обычно имеют дело с игрой против Природы («однорукий бандит» и другие игровые автоматы, электронные терминалы, кости, рулетка, ставки на бегах, спортивные тотализаторы) либо с биматричными играми (карточные игры, бильярд). Для некоторых игр используется и механизм рефлексии (карточные игры, игры на финансовых рынках). Рефлексия у

азартного игрока, однако, как правило, не превышает максимального целесообразного ранга рефлексии, равного двум [2, с. 15].

В азартных играх бывают ситуации, когда число игроков больше двух, и тогда могут образовываться коалиции игроков, действующих совместно против остальных игроков. В диаде не бывает большинства, но добавление третьего игрока делает это возможным. Бывают игры изначально коалиционные (карточные игры двое надвое – «вист», «козел»). В преферансе могут возникать временные коалиции (только для осуществления коалиционной стратегии). Возникают коалиции действий и коалиции интересов. Словом, азартные игры и стратегии игрового поведения могут быть достаточно сложными.

Некоторые азартные игры породили серьезные научные направления. Так, бильярд послужил исходной точкой для теоретической механики, важных направлений эргодической теории и теории динамических систем; орлянка, кости, рулетка – теории вероятностей. Поэтому научный поиск в области азартных игр служит естественным «мостиком» к нашей теме.

Рассмотрим научный азарт как рефлексивную игру.

Прежде всего, научный поиск – это по определению игра с Природой, которая носит также название выбора решения при неопределенности. Каждый из нас сталкивался с такой игрой, задавая себе утром вопрос: брать ли зонтик? Природа делает ходы иногда случайные, иногда predetermined, но функцию ее выбора далеко не всегда можно понять. Именно в ней суть научного поиска. Ученый, в отличие от азартного игрока, ориентированного на бесконечное повторение ходов в надежде на выигрыш, выстраивает рациональную стратегию игры с Природой.

Игра против Природы является частным случаем матричной игры. Ее особенность состоит в том, что второй игрок (Природа) не преследует собственные цели, то есть является безразличным (не злонамеренным) игроком. Стратегии Природы – ее возможные состояния, обусловленные законами Природы, а также случайными, неизвестными ученому факторами. То, что у Природы нет собственной структуры мотиваций и интересов, делает для ученого игру более сложной, поскольку нельзя рефлексивно просчитать стратегии Природы, исходя из ее «мотивов» и «интересов».

Рефлексия в игре с Природой возникает, благодаря созданию в сознании ученого фантомных игроков [2, с. 16], обладающих знанием того или иного закона Природы в области научного по-

иска. Все научные знания (Наука) считаются общим знанием, а введение виртуальных игроков ограничивает (упрощает) игру областью научного поиска. Здесь научный азарт проявляется в расширении и углублении области научного поиска, что требует приобретения новых знаний. Игра считается выигранной (цель научного поиска достигнутой), когда найденное решение научной проблемы не противоречит знаниям фантомных игроков.

Научный азарт усиливается научной конкуренцией, что создает второй слой рефлексивной игры – попытку проникнуть в ход мысли других ученых, занимающихся той же задачей и не всегда полностью публикующих свои идеи и полученные данные.

Возникает двуслойная рефлексивная игра, в которой ученый стремится выиграть и у виртуальных игроков, и у физически реальных коллег, используя множественные рефлексивные отражения в каждом из слоев для выигрыша в другом слое игры. Азарт возникает как реакция на кажущуюся близость решения, видимо-го в рефлексивных отражениях.

Рис. 2. Рефлексивная структура научного азарта.

Азартная зависимость, безусловно, девиантное поведение. Однако структуры негативного девиантного поведения (патологическая склонность к азартным играм) и позитивной девиантности (творчество, самоактуализация личности, в какой-то мере, трудоголизм) существенно отличаются [3, с. 18-39].

Так, у азартного игрока формируется условный рефлекс, который преимущественно и обеспечивает множество циклов игры (глубину азартного расстройств).

Азартная вовлеченность ученого в решение научной проблемы возникает не на рефлекторном уровне, а ступенью выше – в процессах рефлексии. Ученый рассматривает игру с Природой не как простую матричную, а как рефлексивную игру нескольких игроков. Игра усложняется рефлексивным соперничеством за первенство с другими учеными (игроками). В проявлениях научного азарта рефлексивные процессы преобладают.

Литература

1. *Бобров А.Е.* Азартное расстройство (патологическая склонность к азартным играм): клинические, лечебно-профилактические и психосоциальные аспекты (при участии О.С. Антиповой) – М.: ИД Медпрактика-М, 2008.
2. *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Рефлексивные игры. – М.: СИНТЕГ, 2003.
3. *Творчество как позитивная девиантность* / под общ. ред. Я.И.Гиллинского и Н.А. Исаева. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015.

Отделение историко-филологических наук

Ю.М. Батурин

**Рефлексивный анализ
в социально-гуманитарном знании
(Науковедение)**

Формат 60 x 84/16

Гарнитура Таймс

Усл. печ. л. 2,2. Усл. изд. л. 1,7

Тираж 20 экз.

Издатель – Российская академия наук

Подготовлено к печати

Управлением научно-издательской деятельности РАН

Отпечатано на оборудовании Управления делами РАН

Издано в авторской редакции

Издается в соответствии с распоряжением
президиума Российской академии наук
от 24 октября 2017 г. №10106-765,
распространяется бесплатно.